

Ю. М. Могаричев (Симферополь), **А. В. Сазанов** (Москва)

Еще раз о «хазарской Сугдее»

Yu. Mogarichev (Simferopol), A. Sazanov (Moscow)

Once Again on "Khazarian Sougdea"

Сугдея до сих пор остается археологически малоизученным памятником. Особенно это касается раннесредневековых слоев. Немногочисленные археологические комплексы Судака анализировались И. А. Барановым, А. И. Айбабиным, А. В. Джановым, В. В. Майко, С. Б. Сорочаном, А. В. Сазановым и Ю. М. Могаричевым. При этом исследователи пришли к прямо противоположным выводам: от констатации подчиненности Сугдеи хазарам и выделения «хазарских археологических комплексов» до интерпретации памятника как классического византийского города.

В ряде наших публикаций мы, проанализировав археологические и письменные источники, выдвинули гипотезу: весь раннесредневековый период Сугдея принадлежала Византии. Скорее всего, ранние комплексы могут быть отнесены к VI — первой половине VII в. и второй половине VII в., а строительство здесь укреплений следует датировать последней четвертью VI в. [1, с. 104–174; 2, с. 91–96, 175–177, и др.]. В ранневизантийское время Сугдея служила форпостом на северных рубежах империи и охраняла морские каботажные маршруты между Херсонесом и Боспором.

По мнению Ю. М. Могаричева и С. Б. Сорочана, источники позволяют предполагать изменение административно-территориального устройства Боспора в конце VI в. Возможно, избавившись от тюркской угрозы (вторая половина 70-х — начало 80-х гг. VI в.), византийская администрация Крыма несколько корректирует свою систему управления территорией бывшего Боспорского царства. В Крыму место разрушенного тюрками города Боспора занимает новая крепость Сугдея. Управление же землями на Азиатском Боспоре осуществлялось с Таманского полуострова. Вероятно, вернуться к Боспору как административному центру византийцы были вынуждены, когда хазары закрепились на Азиатском Боспоре, то есть не ранее начала VIII в., а скорее всего, в середине этого столетия [3, с. 206–207].

В положении Сугдеи в VIII — первой половине IX в. не произошло существенных изменений. Имевшие место в историографии попытки связать те или иные комплексы с тюркскими или хазарскими святилищами следует признать несостоятельными. Ни в одном из случаев реально не был зафиксирован

«кочевнический» комплекс. Сугдейцы хоронили в обычных для христиан плитовых могилах и в земляных склепах.

Анализ судакского архива моливдовулов, проведенный Е. В. Степановой, показал: византийцы не ушли из Сугдеи в период якобы господства на этой территории Хазарского каганата. Печати показывают, что спад византийской активности в данном регионе не только не наблюдается, но отмечается даже значительный подъем. Сохранились торговые связи города. В Сугдею продолжали вести товары, в том числе медь, о чем свидетельствует уникальная для византийской сфрагистики печать Феофана, халкопрата — торговца медью, второй половины VIII — начала IX в. [1, с. 175–192]

Показательна также находка в Судаке золотых монеты Константина V. Исследовавшая их В. В. Гурулева пришла к выводу, что они, несомненно, были в обращении, причем именно среди грекоязычного населения города. Свидетельством этого являются граффити в виде греческих букв на некоторых из монет и обрезанные края денег. Это говорит о санкционированной местными византийскими властями акции. Даже то, как были обрезаны эти монеты, указывает на то, что делали это не варвары, а подданные Византийской империи [4].

Таким образом, материальная культура города по-прежнему имела провинциально-византийский характер, а сам он оставался принадлежащим Византии. Концепцию «Крымской Хазарии» с центром в Сугдеи, по нашему мнению, следует признать историографическим мифом.

В 2017 г. были опубликованы две работы А. И. Айбабина с одной и той же показательным названием «Хазарская Сугдея» и практически идентичным текстом [5; 6], где данный исследователь повторил свою более раннюю позицию по данному вопросу. Мы не оспариваем право каждого автора отстаивать свое видение исследуемой им научной проблемы. Однако уважаемый оппонент «не заметил» ни наших работ, ни работ других исследователей (что, впрочем, отличает этого автора [7]), выводы которых противоречат его точке зрения. Это вынуждает нас еще раз обратиться к данному вопросу.

Основные положения А. И. Айбабина сводятся к следующему: 1) «В процессе раскопок на территории Сугдеи не выявлены культурные слои или постройки ранее последней четверти VII в» [5, с. 306]; 2) «В первой половине VIII в., благодаря динамичному росту экономики Восточного Крыма, Сугдея стала важным хазарским торговым портом региона. Вероятно, в начале столетия хазары создали в городе таможню» [5, с. 306]; 3) «Самое раннее сообщение о Св. Стефане Сугдейском содержится в Мифологии, составленном в конце X или в начале XI вв. В нем, после рассказа о мученичестве Стефана Нового, сказано о высылке в Сугдею Стефана» [5, с. 307]; 4) В полемике с С. А. Ивановым, относящим создание Жития Стефана Сурожского к иконоборческому времени, отмечается: «Однако использование в житии

(Армянском — *Авт.*) ревностного иконопочитателя эпитета благочестивый по отношению к одному из инициаторов иконоборчества (Константину Копрониму — *Авт.*) скорее свидетельствует о поздней дате армянской версии жития. Армянский агиограф, за давностью лет, видимо, и не знал обо всех реалиях борьбы с иконами в Византии» [5, с. 308]; 5) Упоминаемый в Житии Стефана Сурожского Юрий (Георгий) Тархан подчинялся наместнику хазарского кагана, ставка которого находилась в Боспоре [5, с. 308].

1. В своих работах мы попытались проанализировать все раннесредневековые комплексы Сугдеи, в том числе показать и ошибочность выводов А. И. Айбабина [1, с. 104–174; 2, с. 91–96, 175–177]. Учитывая, что уважаемый оппонент «игнорирует» наше мнение, или, по крайней мере, не приводит каких-либо дополнительных аргументов для системы своих доказательств, наша позиция остается неизменной: археологические материалы позволяют считать, что основание византийцами Сугдеи произошло за столетие до «последней четверти VII в.».

2. Как показала Е. В. Степанова (см. выше), анализ судакского архива печатей (да и археологический контекст) однозначно позиционируют Сугдею как византийский город. Версия о «хазарской таможне» представляется очевидным нонсенсом. Отметим, что никаких контраргументов против подобной гипотезы А. И. Айбабин не приводит.

3. Скорее всего, пассаж из Минология Василия II является не первичной информацией, основанной на недошедших до нас древних документах, а вторичной по отношению к Житию Стефана Сурожского. В тексте Жития Стефана Нового упоминаний о ссылке некоего Стефана в Сугдею нет. Появление в указанном Минологии (равно, как и других синаксарях) данного сюжета может быть вставкой авторов конца X — второй четверти XI, стремившихся подчеркнуть масштабность репрессий Константина Копронима и знакомых с существовавшей тогда редакцией Жития Стефана Сурожского. Следует так же заметить, что в греческих вариантах ничего не сообщается о последующем епископстве в Сугдее ссыльного Стефана. Отметим, что сам факт ссылки в Сугдею свидетельствует исключительно в пользу византийской, а не хазарской принадлежности города и прочных позиций там центральной власти.

4. Положительное отношение к Константину V прослеживается не только в Армянском житии Стефана Сурожского, но и Церковно-Славянском: «И сказала она (супруга Константина V — *Авт.*) своему мужу: «Господин царь, отец твой посадил в темницу нашего архиепископа Стефана Сурожского, молю тебя, если любишь меня, отпусти его!». Царь послал за ним и приказал так, чтобы его привели к нему. И в то время родился у царя сын, и крестил его святой Стефан. Царь же, одарив, отпустил святого Стефана на корабле с великой честью в Сурож на свою кафедру» [1, с. 50]. Таким образом, пietet автора Жития по отношению к Константину Копрониму, с большой долей

вероятности, присутствовал уже в протографе. Соответственно этот аргумент А. И. Айбабина не может рассматриваться с точки зрения отрицания датировки Жития иконоборческим временем.

5. Как мы попытались показать [1, с. 209–210], вероятно, царь Вирхор Армянского Жития — отражение должности и имени какого-то то ли византийского чиновника, то ли хазарского представителя (хотя первое более правдоподобно). Что касается, Георгия Тархана, то несомненно, речь идет о христианине. У него и имя христианское — Георгий, и к Стефану он обращается «Отец святой» и церковь во имя св. Троицы он должен построить. Что же касается его должности, то можно предполагать что, в первоначальном варианте стояло архонт. Поэтому сюжет с Георгием Тарханом никак не может свидетельствовать о хазарской зависимости Сугдеи.

Литература

1. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Степанова Е. В., Шапошников А. К. Житие Стефана Сурожского в контексте истории Крыма иконоборческого времени. — Симферополь, 2009.
2. Могаричев Ю. М., Сазанов А. В., Сорочан С. Б. Крым в «хазарское» время (VIII — середина X вв.): вопросы истории и археологии. — М, 2017.
3. Могаричев Ю. М., Сорочан С. Б. К вопросу об административно-территориальном устройстве Боспора во второй половине VI—VIII вв. // Добруджа. — Добрич; Силистра, 2015. — Вып. 30.
4. Гурулева В. В. Золотые монеты Константина V (741–775), найденные в Судаке. // Сугдейский сборник. — Киев; Судак, 2004.
5. Айбабин А. И. Хазарская Сугдея // МАИЭТ. — Симферополь, 2017. — Вып. 22.
6. Айбабин А. И. Хазарская Сугдея // История Крыма. — М., 2017. — Т. I.
7. Сорочан С. Б. Размышления над критикой (К статье А. И. Айбабина о византийско-хазарском кондоминиуме в Крыму) // ХА. — Киев; Харьков, 2014. — Т. 12.

